

ТАРАС СЛАБЧЕНКО

АВТОБІОГРАФІЯ М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО

Подана нижче автобіографія одного з найвидатніших діячів української сцени—М. Л. Кропивницького виникла так. Підчас своєї театральної роботи в Полтаві Кропивницький познайомився з Ант. Вас. Марковичевою, сестрою відомого пізніш укр. письменника Д. Марковича. Знайомство з останньою незадовго перед тим овдовілого Марка Лукича потроху перейшло в кохання. Але будучи людиною зденерованою, „мнітельною“ й до певної міри навіть ексцентричною, М. Л. поведився так, що Марковичева боялася, що вона йому буде не до пари й у майбутньому не зможе дати йому щастя. Тому А. В. вагалась. Другою причиною, що спиняла Марковичеву від рішучої відповіді, була різниця в походженні (А. В. належала до аристократії) та вихованні. Цього аристократизму вона не хтіла зректись, а Кропивницький був ворогом так всякого прояву панства, як і його самого. Це не тільки затягло роман на кілька років, але й ще більше знервувало Марка Лукича. В кінці 1880 та на початку 1881 р. справу ніби було остаточно вирішено—вони мали побратись. Але все-ж вагання з боку обох не припинилось. В листі до Марковичевої з 4 грудня 1880 р. Кропивницький писав з цього приводу:

„О, как я хочу верить в вас. Как хорошо мне и как легко жить этой верой, дышать этой мыслью. Мне кажется, что Вы должны мне дать то маленькое счастье, которого я так долго искал; большого счастья я не возьму за мое маленькое, потому что в этом маленьком для меня целый мир!“

а 12 січня 1881 р. М. Л. говорив: „Что ми любим друг друга, это несомненно, по крайней мере я ручаюсь за вас; не знаю, поручитесь ли вы за меня?“

Після Великодня 1881 р. мав відбутися шлюб, про що вони умовлялися ще 29 листопада 1880 р. „Скорее бы Великий пост, чтобы в Полтаву, поближе к Тосе, а там Святое Воскресение, а там Марко скажет: Тося, поедем в Тахтауловку, пусть поп свяжет нам руки!“

Постать Марка Лукича за роки цього роману¹ встає перед нами досить виразно. Провівши своє дитинство майже без матери, що покинула родину, та без батька, що заробляв гроші десь у інших місцях, залишаючи свого сина у знайомих та „друзів“ (з автобіографії бачимо, що то за друзі були), і в оточенні незаможних і пізнавши на собі самому злидні та бідність, маленький Марко виробив у собі недовіря та зневагу до „вищих“ кіл суспільства,—до панства. Він перейнявся тими-ж самими настроями, що панували серед затурканих та принижених. Бачачи, як поводитьсь панство і з іншими людьми, і з ним (а він був і козачком, і льокаєм), М. Л. починає його ненавидіти. Ця ненависть з часом не затихає, а перетворюється на якесь презирство та зневагу.

В листі з 9 грудня 1880 р. (ст. 2) він пише: „Что ж, не я тому виною, меня обстоятельства и пережитое горе научили такими глазами

¹ В нашому розпорядженні є 12 листів Кропивницького з часу від 24 жовтня 1880 р. до 12 січня 1881 р.; всі вони написані з Лисавету, де перебував він тоді, працюючи в тамошньому театрі.

смотреть на панов и питать к ним вечное чувство негодования“... І далі: „...паны, експлоатирующие нас, такими оплетают нас сетями любезностей и деликатностей, что невольно заблудишься в этом лабиринте, и под конец, пожалуй, отрешись от того, во что свято верил, что чтил, чему поклонялся“.

Через вороже ставлення до панства Кропивницький навіть не хоче бувати в аристократичних колах, куди запрошують його як видатного артиста. Він не терпить звичаїв і тону, що панують у верхах: „Не могу я сидеть на вытяжке и говорить час чопорным языком и прибирать выражения с деликатным соусом вроде: „Да!.. Конечно!.. Если-бы... Как вам угодно... Я с вами вполне согласен и т. д.“.

Він і не знає цих звичаїв: „Меня поджигает и подзадаривает какой-то бес поспорить,—признавался М. Л.,—а я молчу, потому что решительно не понимаю, прилично ли спорить, не сочтут ли меня невеждой? Этот ложный стыд, трусливое самолюбие, меня волнует...“ (лист з 9 грудня 1880 р., ст. 1).

Але коли-б і знав, то все одно не бував-би там. Утримувало від цього побоювання загубити себе. „Пообедав раз-два у Милорадович,—писав М. Л.,—захочется так же гастрономически угостить свой желудок и в третий раз, и в четвертый, а там и пошла писать и сам не заметишь, как сделаешься прихлебателем, нахлебником и подхалюзой“ (лист з 31 жовтня 1880 р., ст. 2—3).

„Хотя и следует: живя с волками, по волчьи и выть, но там, где можно без ущерба, без контроля, вместо вытья взять правильную ноту, я ее всегда беру!“ (ibid., ст. 2).

Він не зречеться самого себе, не втратить своєї фізіономії, свого я, що такі протилежні таборів інших. Кропивницький досить високо підносить власну особу не що до якихось безмірних вимог, а що до прав, котрі дозволяли йому яко людині казати й твердити:

„Я не хочу, чтобы N имел больше меня прав на то, чтобы раз'езжать на рысаках, курить настоящий турецкий табак, пить самые хорошие вина; я настолько же образован, как и он, а может и больше; зачем же ему все, а мне ничего? Я не хочу, чтобы P. едва кланялся мне и думал, что этим он оказывает мне величайшую честь; я не хочу, чтобы D. проматывал и швырял на ветер то, что не он добывал и зарабатывал; я не хочу ничьей протекции, ничьих благодеяний. Видите ли, какой я эгоист!“ (лист з 12 січня 1881 р., ст. 4—5).

Це ніби скидається на егоїзм, але егоїзм людини, незадоволеної з життя, що шукає чогось більшого. То скорше біль з приводу інших, нижчих на щаблях життя. Чому N мають те, чого не має маса людей, чому N володіють правами, що їх зовсім немає в інших? Звідси виникає вимога поставити всіх в однакове становище, в тому числі й самого автора листів. Іншими словами, ми тут натикаємось на протест проти соціальної нерівності. Люди, тому що вони люди, повинні мати однакові права. Отже тут не висовування маленького „я“, а образа за „я“ велике. Кропивницький не відокремлював себе від маси, він не хотів забути того, що пережив у свій час, що переживали за час його слави ин. Фросі та Сені, про котрих, як видно з автобіографії, він ніколи не забував, завжди схилявся перед їх стражданням, так само страждав за них, як колись Фрося страждала його стражданням. „Вытравьте из моей души любовь ко всему человечеству угнетенному и униженному, убейте в моем сердце любовь и чувства к поработанным,—писав М. Л.,—и я буду благодущный россиянин и образцовый член клуба“... (лист з 12 січня 1881 р., ст. 5).

Все-ж певно казали йому, що тут нічого не вдієш, що тут діють суспільні закони! Недарма-ж Кропивницький в одному з листів, очевидно, відповідаючи на такі „заспокоєння“, писав, що він знає тільки те, що так не повинно бути: „Я не могу примириться с такой жалкой логикой „Бог создал мир, тай Бог з ним, а ти, жінко, у це діло не мішайсь!“, потому что сердце мое пережило и перечувствовало многое множество идеалов, хоть и призрачных, но все таки идеалов; оно не может не заглядывать в будущее и зачерстветь в неведении убаюкиваемое сказочными: „так быть должно“, „против судьбы ничего не поделаешь“. Нет, я знаю, что не так быть должно, что никакой судьбы нет!“ (лист з 12 січня 1881 р., ст. 4).

Але-ж мало не примиритись. Необхідно щось робити, ставити якісь провідні пункти, прямувати до якогось ідеалу. Кропивницький шукав їх і не знаходив. „Укажите мне идеал, — просить він Марковичеву, — в который можно было б уверовать, и я паду ниц перед ним“; і з жалем кінчає: „не укажете, его нет! И вот в моей душе, в моем мозгу вечный хаос, вечный сумбур“... (лист з 12 січня 1881 р., ст. 4).

Не дурно-ж самого себе великий актор звав „непосидячим Марком“. Шукаючи й не знаходячи, люблячи й не можучи допомогти, Кропивницький і своїми думками, і характером був винятком у суспільстві, про що й сам писав: „Я был исковеркан, искалечен, я весь из желчи и злобы“ (ibid., ст. 8).

І тільки на короткі хвилини забував Кропивницький про загусток „желчи и злобы“, може й одчаю,—на полюванні. Друге, в чому незадоволений з життя знаходив забуття, було вино: „Охота и забвение за чаркой вина,—это те паллиативы, без которых я не могу существовать“ (лист з 28 грудня 1880 р., ст. 3).

А поза цими паліативами не лишається нічого, крім страждань. І лишався „безталанний Марко“ все при своїх і при чужих стражданнях, на що в нього пішла більша частина життя. „Скорбеть я умею часы, а радоваться могу лишь минуты“ (лист з 12 січня 1881 р., ст. 9).

І все-ж великий артист знаходив у собі сили йти мало не щодня на театральний кон і там перетворюватись, перероджуватись, виносити свої страждання на „лицедійну арену“ і знову страждати.

Про все це довелося розказати Кропивницькому, розкритись перед тою, з ким він хтів (але не судилось) прожити другу половину свого життя. Шлюб з А. В. зятгнувся на багато років. Кропивницькому здавалось, що між ним і Марковичевою є щось недоговорене, що вони мало знають один одного. І от, хоч М. Л. не раз змальовував себе в листах, він пише ще свою автобіографію, подаючи в ній причини, через що став він власне таким. Це типовий життєпис українського інтелігента, що йде тяжким терновим шляхом, поки завоює собі ім'я.

Вже в дитинстві М. Л. зазнав ряду ударів від життя. Перший удар на-несла мати, що покинула маленьких дітей. Потім маленький Марко терпить від мачухи-селянки, стає козачком, льокаєм, уривками вчиться, попадає в панамарі й зустрічає привіт та ласку лише від простих людей, безмірно бідного гімназистика Пашутина та тихої дівчинки-наймички Фросі, котра, за його виразом, була для нього „сестрою-жалібницею“. Далі йдуть роки вчення в бобринецькій повітовій школі, київській гімназії й університеті, „гражданская служба без производства“, нещасливий шлюб і вдовоцтво, коли М. Л. зістався з двома сирітками. Так дійшов Кропивницький на свому життєвому шляху до зустрічі з Марковичевою, і перед нею розкрив всього себе.

Нам лишається висловити сердечну подяку М. Г. Липі, яка, розу-

міючи всю важність матеріялів, звязаних з ім'ям великого українського артиста, радо ними поділилася з нами.

Автобіографію М. Л. Кропивницький написав на трьох подвійних аркушах великого поштового формату російською мовою. Розбивка в тексті відповідає підкресленням слів у оригіналі. Склади та цілі слова, взяті в квадратіві дужки, означають пропуски в тексті, що виникли через попсованість. Крапки поставлено на тих місцях, що цілком знищені в тексті. Останні 2 сторінки пошматовано, в передостанній сторінці правий кутик паперу відірвано; останню сторінку розірвано на 4 частини, і тому кілька рядків на лінії розриву прочитати не можна.

9-го октября 1885 г.
г. Елисаветград.

Антонина Васильевна! Наши отношения приняли такой характер, что я необходимым нахожу показать вам всего себя, не утаивая ничего. Не желая утомлять вас, я постараюсь как можно конспектнее, без деталей и комментариев, изложить вам историю моей жизни, или лучше сказать: историю моего прозябания! Прошу лишь терпения и затем правдивого приговора. Отец мой, дворянин, на 13-м году, остался круглым сиротой и без всяких средств, воспитывался он в елисаветградском уездн. училище, но за смертью отца курса не кончил. Оставшись, как рак на мели, он отправился в ту деревню (имение генерала Живанова), где его отец был несколько лет управляющим, где умер и похоронен. Было это в летнюю рабочую пору; не долго думая, пошел он в поле и стал работать поденно у крестьян; так он прожил около двух месяцев. Однажды генерал Живанов, объезжая поля, заметил, что в то время как все рабочие отдыхали, какой-то мальчик копошился на ниве и приохачивал себя к работе звонкою песенкой. Генерал приостановил бегунки и подозвал мальчика, стал расспрашивать: кто он, кто его родные? Отец спросил: неужели такое короткое время могло так его изменить, что генерал не может узнать в нем сына своего управляющего? Генерал был поражен и тотчас же усадил мальчика с собою, в бегунки, увез его с поля. Трудолюбивый мальчик был обласкан и получил приют. Короче сказать, отец мой в 16 лет был полным управляющим имением генерала. Так прожил он до 28 лет и наконец, скопив порядочные средства, женился на бедной девушке, дочери капельмейстера. Мать моя была очень красивая женщина, хорошая фортепианистка и с замечательным голосом; эти качества и погубили ее. Отец же коренастый мужчина, с лицом рябым от оспы. Отец мой рос в нищете, но на свободе, мать же росла в депотической семье, где наказание ругани считалось легчайшим; по ее словам, отец ее привязывал ее к дереву и бил возжами, и своим кнутом. Когда отец мой, не зная ничего этого, сделал ей предложение, то она с рыданиями, с воплями бросилась ему на шею; такой порыв, приправленный двумя-тремя ласковыми фразами, принят был отцем за истинную любовь к нему. 5 лет он был вполне счастлив: в это время родилась сестра моя, я и два младших брата (оба ныне умершие). Сестра моя жива и теперь за вторым мужем, за Сочивановым. На 3-м году супружества генерал Живанов умер, имение поступило в опеку, отец мой выехал из Живановки и поступил управляющим имением к князю Кантакузену. Княгиня была женщина молодая и чрезвычайно ветренная, она сдружилась с моей матерью; и из скромной жены, хозяйки и матери, она в три года перевоспитала ее в светскую барышню, кокетку, амазонку и т. п. Все просьбы отца, мольбы, предостережения были слишком слабы и ничтожны в сравнении с тем ложным светом, с той роскошью, какие ей сулило

привитое воображение. Дошло до того, что мать окончательно поселилась в доме княгини и приходила в свою семью как гостя, и кончила тем, что однажды, когда отец уехал, после обеда, в поле,—откуда он только возвращался около 10-ти часов вечера,—она бежала. Этот вечер так памятен мне, что я до сих пор обоняю запах акации и бересты, врывающийся в открытые окна нашего домика; это было в 1-х числах июня, по словам отца. Помню мы играли с сестрой на полу, в зале, а меньшей брат, грудной, был в спальне с кормилицей; послышался топот и к крыльцу под'ехал экипаж; в комнату вошла мать и начала целовать меня,—я был ее любимец. Потом взявши меня на руки, она долго плакала и, мне кажется, что и до сих пор те дорогие слезы горят на моем лице, затем она ушла в спальню, мы бросились было к ней, но голос: „нельзя!“ заставил нас остановиться. Конечно, мы снова занялись игрой, забыв обо всем. Спустя полчаса в комнату вбежал отец и побежал быстро в спальню, а чрез минуту оттуда послышался стон, рыдания, проклятия и вопли! Чрез четверть часа отец уж держал нас обоих на коленях и тихо плакал. На другой день, девушка, няня наша, сказала нам что: „мама уткнули з охвицером и Володю (грудного брата) з собою узали“. Сокращаю речь и переходю к тому времени, когда мне уж исполнилось восемь лет и когда, бывшая наша няня, сделалась в доме нашем чем-то вроде гувернантки, или скорее мачехи. Эта девушка была простая крестьянка и, понятно, нарядившись в павлиньи перья, стала помыкать нами; а когда у нее, спустя еще год родился сын, то мы были совсем заброшены. Сестру отец отдал в частную сельскую школу, к одному сельскому учителю, занимавшемуся педагогиею с разрешения добрых полицейских властей (это был поляк-иезуит, присланный из Польши на смирение, после бунта 46 года). Я страшно затосковал и насильно заставил отца отвезти меня в ту же школу. Иезуит из нас, своих учеников, вздумал делать спартанцев, он так был жесток и строг, что плеть его постоянно гуляла по чьей-нибудь из наших спин. Кроме уроков, мы должны были отправлять и домашние работы,—как то: полоть огород, поливать зелень, стеречь по очереди сад, гонять скот на водопой и т. п. Однажды я погнал скот на водопой с другим мальчиком и на улице мы засмотрелись на счастливых крестьянских детей, которые с наслаждением барахтались в пыли; игра нас пленила, и мы, забыв возложенную на нас обязанность, вмешались в толпу и ну перекидываться и галдеть. Скот разбрелся по селу, время летело незаметно и мы, как говорится, не успели оглянуться, как перед нами, как из земли, выросла грозная фигура иезуита, с плетью в руках. Товарищ мой, быстроногий Ахилес, вскочил и в минуту исчез с глаз; я же, благодаря своей природной мешковатости был схвачен на месте преступления и только неистовым криком давал знать всему селу, как немилосердно истязал меня иезуит. Но это были цветочки, ягодки были обещаны на другой день. Ночью воображение мое быстро нарисовало предо мною ужасную картину „ягодок“, и я, выждав время, когда все уснули, бежал. Далеко ли это было, близко ли, не знаю, помню только, что я забрал на чью-то бакшу (баштан), старик сторож привел меня в курень. Спустя месяц, я очнулся в доме отца, я был в кори; кто меня взял с баштана и как? ничего этого я не помню. Когда я оправился, княгиня Кантакузена предложила моему отцу отдать меня к ней, чтобы я учился вместе с ее двумя сыновьями. В доме княжеском я прожил два года; масса гувернеров и педагогов (по выражению Грибоедова: „числом поболее, ценою подешевле“) офранцузили меня и сделали барченком. Поссорился отец с князьями, оставил место, а меня, до приискания себе должности, отвез к некоему генералу

Бутовскому, который просил отца, чтобы он отдал меня ему за сына, с условием, что генерал должен будет воспитать меня и вывести в люди. Отец отдалаял время усыновления, а пока так оставил меня у генерала, дескать: привыкнет или не привыкнет? Может быть холостяк генерал и исполнил бы свое желание, если бы к нему не явилась, как снег на голову, сестра его, только что овдовевшая генеральша Гудима-Левкович и не забрала в руки не только все управление по дому и имению, но и самого генерала (и теперь эта старушка божья живет в Елисаветграде, усердно посещает храмы господни и даже плачет, когда хор запоет: „на реках вавилонских, рыдаю и плачу“... Генерал же лет пять, или шесть тому назад скончался).

Между тем отец уехал искать места и поселился где-то в Таврической губернии; полгода не было о нем ни слуху, ни духу. Откуда-то вынырнули на свет божий, какие-то племянницы генерала, сиротки—Персидокибоковы; начались в генеральском доме балы, вечера, именины!.. Я был окончательно заброшен генералом и нашел себе приют у старушки коровницы, которую все называли криворучкой (у нее действительно была сломана рука), а лучшим моим другом и собеседником был генеральский кучер Тимофей, который особенно был милостив ко мне за то, что я пособлял ему убирать лошадей и чистить конюшню; иногда, чтобы побаловать меня, он позволял мне прокатиться верхом на какомнибудь одре до водопоя и обратно. Этот Тимофей и эта старушка криворучка и теперь еще живы и живут в той же деревне Бутовке, в 30 верстах от Елисаветграда. Наступил август м-ц и генерал вспомнил обо мне. Самой главной причиной моего удаления под сень криворучки это было то, что генеральша хотела меня обратить в комнатного козачка: подать стакан воды, подать трубку (генеральша курила трубку), позвать повара и т. п. Мне эта должность не понравилась и я сбежал. Так вот когда генерал вспомнил обо мне, то тотчас позвал меня и велел доморощенному портному обшить меня, потому что я буквально был оборван; обшили меня в какую-то нанку и снарядили в Елисаветград в уезд. училище. Перед этим, одна из вынырнувших племянниц, вышла замуж за офицера кирас. полка Бракера (ныне Бракер владеет Бутовкой и участковый мировой судья в Елисаветграде) и генерал заблагорассудил отдать меня к нему, Бракеру на квартиру. Привезли меня в Елисаветград, отправили в училище. Прошел месяц, другой и я из квартиранта сделался лакеем Бракера; мне отдан был приказ помогать деньщику убирать комнаты и чистить сапоги. В это время, в продолжении двух месяцев, я сдружился с двумя учениками: первый из них Сеня Пашутин (ныне умерший) произвел на меня ужасное впечатление; он жил на квартире у одной тетки своей торговки из милости (он был круглый сирота), за это он должен был утром нести на базар зелень и разный товар своей хозяйки, а вечером приносить тот же товар обратно; днем же, придя из училища, он или нянчил детей, или копался в огороде. Однажды засидевшись у Сени дольше обыкновенного, я заметил, что он стесняется и как будто хочет спросить: чего же ты не уходишь? Я спросил о причине, он долго мялся—наконец уступил моей настойчивости: оказалось, что он сам себе мыл белье; дело было в субботу вечером, а к завтраму он хотел иметь чистую сорочку. Затем Сеня снял с себя рубаху, а сам, прикрывшись какой-то тряпицей, занялся стиркой. Тогда я только увидел, что мое житье не в пример роскошнее: у меня все таки было 3—4 рубахи и два нанковых сюртука и кой-какое верхнее платье. Другой (и ныне друг мой) Коля Сеницын пригласил меня однажды к себе. Отец его был достаточный купец и оказался старым приятелем моего отца. Придя к ним, я начал расспра-

шивать о моем отце и между прочим сообщил им о моем горемычном житье. Решили было написать обо всем отцу, а мне предложено уйти от Бракера и поселиться у них, у Синицыных. Это было в конце октября месяца; вечерело, помню был страшный холод; мы, с Колей, воровским манером собрали мои пожитки и, улучив удобную минуту, когда деньщик куда-то вышел, задали стрекача, т. е. бежали. (Вспоминая этот факт, я убеждаюсь, что этот возраст самый удобный для того, чтобы посеять в душе ребенка зерно зла, или добра, и оно взойдет и разовьется в одинаковой пропорции. В самом деле, будь Коля негодяй, он мог бы мне сказать украдыв у Бракера деньги, или подожги дом. Я бы охотно это сделал, не сознавая всей важности поступка). Надо было перейти узенький мостик подле резниц, чрез реку Ингул, чтобы попасть к Синицыну. Дойдя до половины мостика, мне показалось, что против нас идет Бракер; я так перетрусил, что не помню как бросился в реку (река не глубока, по народному выражению: воробью по колено!). Вода была ужасно холодная, я промок до костей, какой-то резник вынес меня на берег, обругав при этом: „чертенком толстопузым“. Это собственно не ругань была, а незлобивое ласкательство; но у русского мужика ласк не отличишь от ругани. На другой день я уже лежал в горячке и только спустя месяц с лишним я встал с постели. Приехал отец и увез меня в г. Бобринец и определил там в уездное училище. Помню, в день приезда в Бобринец, я сидел у ворот домика, приятеля отца чиновника Юзицы, у которого мы остановились; вижу идет какая-то полная дама, остановилась против меня, постояв так с минуту и осмотревшись во все стороны, она быстро подошла ко мне и начала осыпать меня слезами и поцелуями. Это была мать моя. Что она говорила, о чем спрашивала, я ничего не помню, помню только, что я смотрел на нее во все глаза и бессознательно твердил: „так вы моя мама?“ Слово „мама“ как-то меня не трогало и как-то незнакомо и неблагозвучно выходило на моем языке; прошла пора для материнских ласк, я понимал только и чувствовал слово „папа“. Прошло несколько минут, на улице показался мой отец, возвращавшийся откуда-то, мать вскочила и быстро скрылась за углом соседнего дома. Отец поставил меня на квартире у бабушки, у матери моей матери. Здесь я часто виделся с матерью, которая жила в своем собственном доме и воспитывала младшего брата Владимира; ея любовник майор Рудзевич, умер от холеры, оставив ей дом и небольшую сумму денег. (Мать моя впоследствии сделалась ханжой и богомолицей, кажется нет в России ни одного монастыря, где-бы она не побывала. И в настоящее время она жива, но где она? Я шесть лет уж не имею о ней никаких сведений, иные говорят в Лебединском монастыре монахиней, другие,—что она живет у какого-то помещика подле Харькова и учит его детей музыке. Словом она расточала все имущество на богоугодные дела; так что я уж был женатым, когда пособлял брату Владимиру кончать киевский университет; курса он по болезни не окончил, а назначен был, учителем в ананьевскую прогимназию, где чрез три месяца и умер от чахотки). Прошло около трех лет, я был уже переведен в 3-й класс уездн. училища, как отец мой снова поступил к князю Кантакузену управляющим и я снова попал в княжеский дом под опеку гувернеров. Княгиня всегда видела во мне какого-то гения и клялась, что сделает из меня ученого человека. Покойник отец, вспоминая мое детство, часто говорил моей жене, что я в детстве сочинял сам песни, писал стихи и обладал замечательной памятью.

Эти песни, эти стихи он хранил, но они были похищены у него вместе с имуществом—князем Кантакузенном. Чрез полтора года, снова про-

изошла ссора (причины ссоры т. е. выяснение их заняло бы много места, но я уж и так злоупотребляю вашим терпением и потому сокращаю речь!), отца моего грабят, забирают все имущество, даже документы. (Не думайте, что причины ссоры щекотливы для моего слуха или обидны для души,—нет. Поверьте, если бы мой отец был виноват, я бы не задумался обвинить его. Заметьте, что все это совершалось во времена крепостничества, когда помещики, а также и князья, графы, генералы, были чуть ли не царьками, пред которыми все станковые пристава, исправники и целые суды плясали на задних лапках и вертелись, как чорт на заутрене; тогда какой-нибудь заседатель суда считал за особенное счастье пообедать в княжеской столовой, не с князьями, а за вторым столом с приживалками, дворецким и старшими камардинерами и фрейлинами!). Часто у меня заседает в мозгу фраза Некрасова и сидит там гвоздем: „Но прежде чем бросим мы в нее приговор роковой, подзовем-ка ее да спросим: как дошла ты до жизни такой?“ Сколько людей проходят мимо нас с истомленными, изнуренными лицами, с тоской в душе, с болью в груди, сколько их проходит мимо нас ежедневно? Быть может десятки из них носят такое горе, что не под силу было бы тридцати душам? Живуча, крепка и вынослива человеческая натура! Продолжаю: отец зывает к богу! но бог высоко, царь далеко! Отец жалуется суду, суд чрез месяц назначает следствие; следствие тянется годы, десятки лет. (Только перед смертью за два года—10¹/₂ лет тому назад—отец получил копию решения сената, что ему по его иску присуждено с князя 352 р. 45 к., вместо ограбленного имущества на 5 тысяч. Дело возникло в 53 или 54 году, а окончено в 1870 г.—чрез 16-ть годочков!). Куда деваться, кого просить? Отец снова едет искать места, а меня оставляет у друга своего священника Дмитрия Несторовского, в с. Новокрасном, чрез реку от имени князя. (Я пропускаю все о моей сестре, о няньке-мачихе, с двумя детьми, которые также были разбросаны по свету). Но друзья и приятели, как и в песенке поется, до черного лишь дня. Священник, чтобы не даром я ел хлеб у него, сделал из меня что-то вроде пономаря: я звонил в колокола, подавал кадильницу, продавал просфиры, ездил с попом с молитвою и выпрашивал от имени матушки (попадья): поросят, яичек, дыплат, пшена, меду и т. п. Читал псалтирь по покойникам, за что получал клетчатый миниатюрный платочек и 5 к. серебра, а иногда гривенник. Когда же покойника в деревне не было, я возил воду, чистил лошадей, загонял телят и т. д. Чаще всего мне приходилось читать псалтирь над умершими арестантами (в Новокрасном в то время был один из больших этапных пунктов) и здесь я видел, в среде ссылаемых каторжников, скованных в ножные и ручные кандалы, с перебитыми головами с клеймами на щеках и лбу¹, видел я людей с сердцем и теплой душою; эти отщепенцы, эти подонки благоустроенного общества буквально обливали слезами умершего своего товарища по изгнанию. Как я одевался, в чем ходил? трудно пересказать да и невероятно!.. Ни сыт, ни прикрыт от влияния стихий, а вот жив и здоров! Мне было уж 13 слишком лет, я знал уже и понимал, что такое достаток, довольство и даже роскошь,—какже, я два месяца тому назад был барченком!..

¹ Только в 1862 или 63 году перестали прикладывать клеймо. Это была довольно гуманная мера: три клейма из букв О. К. Р. на клеймах этих обозначались буквы иголками длиной в 2 линии. Палач прикладывал клеймо ко лбу и бил по ручке кулаком, сняв клеймо, сочившуюся кров, он тотчас затирает порошком. И буквы оставались на всю жизнь,—они значили: „осужден каторжной работе“. Эта операция производилась тотчас после наказания плетью, когда наказанный находился преимущественно в полусознательном в полумертвом состоянии.

У этого священника была сиротка-девочка, моих лет. Когда им взята была для чего? Этот вопрос остался и доныне не разрешенным. Эта сиротка была еще несчастнее меня, потому что у меня все-таки была надежда когда-нибудь вырваться из этого положения, у нее же никакой. Наконец, меня по крайней мере поп не бил, а сиротка из синяков не выходила. Представьте себе, эта-то несчастная была моим лучшим другом, моею „сестрицею жалібницею“; здесь начало развития моей души. Развития сознательного, полного! Она бывало плачет моим горем, страдает моими страданиями, и это меня облегчало; когда она замечала, что сорочка моя уж была грязна, она ночью бежит на речку, вымоет ее, зачистит, скатает и радуется, что угодила мне. Это худенькое бледное личико, эти большие серые глаза, эти льняные волосы, никогда не умрут в моей памяти. Если она могла урваться от работы, то тотчас бежала ко мне и делала мою работу; за это она получала от попадьи побои, но выносила все молча, терпеливо, лишь бы только я был ею доволен. Заболела Фрося,—так звали девочку,—желтухой и стала быстро чахнуть. Кухарка попадьи, была лучшей шпионкой попадьи и потому пользовалась ея милостями и благоволением, не выносила стонов страдальицы, она ее выгоняла из кухни; и бедняжка бывало идет в садик и там лежит на голой земле по целым ночам. Однажды утром попадьи раскричалась, не видя Фроси: „буди її стервяку“ крикнула она на меня. Я бросился в сад и что же увидел: Фрося, свернувшись в клубочек, лежала мертва; я поднял страшный крик и рыдая бросился на труп. Похоронили Фросю и с тех пор слово сирота—моя болезнь, моя дума, мои страдания!.. Это слово производит на меня необъяснимое впечатление. Исполняя обязанности звонаря и прислужника, я много раз вислушивал насмешки, глотал слезы от ядовитых насмешек княжат, моих соучеников, приезжавших с тапап в церковь; а уж о лакеях и лизоблюдах нечего и говорить, те же уж прямо задевали меня, дразнили и потешались над паничем-панамарчуком. Лишь из уст простого народа, кріпацтва доносились до моего слуха сожаления,—в роде: „бідна дитина“. „Ох, горенько тяжке це ж Марочко?“ „Яке ж обідране, та замліле“. А иная баба бывало и утешит: „прийдіть лиш до мене Марочко, то я вас и облатаю и в головці поськаю“. Другая же бывало, прямо возьмет меня за руку и поведет к себе домой „и нагодуе и облатае и поськае“! Вот где основы развития моего сердца, чулого до чужого горя! Однажды я решил пойти к князю и со слезами у него молить отдать мне хотя мое заграбленное белье и платье. Прихожу во двор княжеский, выходит на балкон княгиня и увидев меня закричала: „что это за оборвыш, гоните его вон!“ Я, скрепя сердце поплелся во свояси. Случилось мне читать псалтирь по покойнику в этапе,—я оставил чтение и обратился к одному из плакавших каторжников с вопросом: „скажите мне пожалуйста, как вы убиваете людей?“ Каторжник посмотрел на меня и потом сурово ответил: „читай оте, що написано, а до цього тобі зас!“ Мне кажется, я и теперь вижу эту длинную фигуру с мгновенно искажившимся лицом и с зловецде горящими глазами. После такого ответа, у меня пропала охота предлагать когда-либо подобные вопросы и я порешил отложить убийство княгини на неопределенное время. (Теперь княгиня уж в лоне ad patres, а князь живет в Елисаветграде; он меня, конечно, в лицо не может узнать, но на меня, при встрече с ним, нападает какая-то дрожь; много раз я думал напиться и пойти к князю поговорить). Так я бедствовал от Великого поста до глубокой осени, пока наконец не приехал за мной отец. Увидев меня в таком положении, отец зарыдал и навсегда рассорился с попом; но поп свалил все на меня: „и не послушен, и дерзок и не хочет учиться, до

книги не загонишь, по целым дням где-то шляется"... и т. д. и т. д. Когда уж мы выезжали из поповского двора, он вынес просфиру и благословляя меня, подал мне ее, я вскипел и швырнул просфиру попу в физиономию,—за что отец чуть было не отдрал меня, ругнув лишь в задаток. Когда уж мы отехали за несколько верст и я убедился, что уж меня отец не воротит к попу, тогда только я решился рассказать ему все мое бедствование.

Отец меня отвез снова в Бобринец и здесь уж я окончил уездное училище в 1856 году. Затем меня отвезли в Киев в гимназию (во вторую) где я был три с половиною года на общих квартирах, но считался вольнослушателем,—потому что не представил документов о моем происхождении, так как они заграблены были князем. В училище же я учился на основании свидетельства выданного из местного уездного суда, что я действительно сын дворянина такого-то, этого документа гимназия не приняла в резон. Ультиматум предложен был: или оставить гимназию, или представить документы; и я оставил гимназию, не допущенный держать экзамен в 7 класс. На основании свидетельства гимназии (что я слушал лекции до седьмого класса), меня допустили вольнослушателем в университет с условием чрез год держать вступительный экзамен и представить документы. На основании прошения моего, попечителю учебного округа Н. И. Пирогову,—который меня лично знал, как даровитого гимназиста и актера (тогда у нас часто устраивались в гимназиях спектакли),—мне дали отсрочку еще на год; на третий год, я, по отсутствию документов и по другим причинам, не мог уж оставаться в университете, мне предложили „уехать в родные степи“. Так окончил я мое образование. Поступил я в гражданскую службу и прослужив в должностях секретарей и делопроизводителей около девяти лет (поступил я на службу по копиям с документов, которые отец втечение восьми лет едва мог вытребовать!) но производства в чины не получал, без объяснения причин. Значит я попал в список неблагонадежных! И ныне состою в чине отставного канцелярского 1 разряда. Мне страшно везло, я был любим, но подлости, делавшиеся вокруг, меня отравляли; много раз я ссорился с отцом, выражал ему желание оставить службу и вступить на сцену, но отец грозил мне проклятием. Едва скончался отец, как я подал в отставку, продал все за бесценок и поехал в Одессу деботировать, где и был принят 13-го ноября 1871 года. Еще будучи чиновником, я женился (в 1868 году). Женильба моя была самый простой случай, я женат был скорее из мести нежели по любви; впоследствии я любил мою жену. Надо вам заметить, что как только я начал вести жизнь самостоятельную, я начал искать людей, с которыми бы можно было душу отвести; искал сердец, с которыми бы мог поделиться моими думами, моим пережитым... Женщины, как народ более отзывчивый и впечатлительный, под обаянием-ли моего пения, под влиянием-ли рассказов из моего прошлого и безотрадного настоящего, видимо симпатизировали мне, сожалели, скорбели... Для меня достаточно было одного вздоха девушки, чтобы я был ее поклонником. И, боже! как тяжелы были разочарования, когда после двухмесячного знакомства я видел, что мной уж не интересуются, что меня едва выслушивают: „да у него ни гроша за душой, ни карьеры, ни будущего!..“ „Уж не думаете ли вы сделать мне предложение? так знайте, что мои родные меня не отдадут за вас, потому что вы бедный человек!“ И много раз привелось мне слышать, на мой вопрос—да ведь вы меня кажетесь любили?—такой ответ: „если хотите, да! любила... но вы бедны!..“ Говорили: „я шутила“. „От скуки болтала с вами и немножко увлеклась!“ т. д. Я озлобился и без

разбора стал говорить всем барышням любезности, комплименты, ухаживал, целовал руки и потом мгновенно прекращал на всегда знакомство. Я прослыл в обществе, за ловеласса, волокиту и комплиментника! Встретил я девушку, которая показала мне чем-то особенным, не похожую на других, я начал за нею следить, интересоваться ею, я полюбил ее, но никогда не рискнул сказать ей об этом потому что она в сравнении со мною была богачка; я ждал от нее признания, но она видимо кокетничала со мною. Прошло полгода, наконец и более. Я стал думать о ней и томиться. О, она все видела хорошо и все понимала отлично. На масленнице (именно во вторник) на вечере в Бобринецком клубе, я танцевал кадрили с одной барышней весьма неразговорчивой и невольно подслушал разговор, происходивший сзади меня. Она, мой предмет, не танцевала и сидела сзади с своей подругой. „Хочешь, Оля, держать со мной пари, сказала она своей подруге, что я скажу Кропивницкому одно лишь слово и он не станет больше танцевать; сделаю так даже, что он завтра поедет к нам на всю масленницу?“ По окончании кадрили она подозвала меня и объявила о пари, прибавив при этом: „ведь я наверное выиграю?“ — „Проиграете!“ сказал я ей, вежливо поклонился и отошел. Больше уж я с ней ничего не говорил, кроме здравствуйте! прощайте! и никогда уж не бывал у них в доме. Эта барышня, ныне мать, кажется, пятерых детей: это madame Фролова, Марья Ивановна; она и теперь живет в Полтаве, муж ее преподавателем в тамошней военной гимназии. Когда я летом приехал в Полтаву, после 12½ летней разлуки, Марья Ивановна прочла мою фамилию на афише и бывши в театре прислала за мной; мы виделись, просила бывать, я ответил: ни да, ни нет! На том вечере я познакомился с моей покойной женой; узнав, что она круглая сирота, я начал ею интересоваться, затем стал бывать у них, стал ухаживать и женился. Будь я с нею короче знаком, этой бы свадьбы никогда не бывать, горячка бы миновалась и я снова бы бросился в свет искать сильных ощущений. Наговорив ей на вечере массу любезностей, из желания единственно мстить Марье Ивановне, я поздно спохватился, что уж слишком далеко зашел; а когда услышал от нее, что она уже давно меня любит, я решил, что здесь моя пристань, у этого отчужденного сиротского сердца мой тихий приют. Воспитатели ее, дядя и тетка (последняя впрочем была десятая спица в колеснице и вечно безмолствовала!), не подозревая наших амуров, пригласили меня погостить к ним в деревню. Здесь только я случайно узнал от наушников, что моя невеста вовсе не бедна, что у ней есть порядочное собственное состояние. Это случилось не больше как через час после того, как я дал моей невесте слово сегодня же сказать дяде о моем намерении. Делая предложение, я мысленно молил бога, чтобы мне отказали. Дядя позвал в кабинет жену мою и она на все вопросы отвечала: „или за Марко Лукича, или ни за кого!“ Дядя изъявил согласие и тотчас же над нами был учрежден строгий полицейский надзор, из: приживалок, лизоблюдов, кумушек и т. д. Три месяца я считался формальным женихом, но нам не позволили ни разу остаться с глазу на глаз, ни погостить по саду, ни сказать шепотом,—как бы из боязни, чтобы мы узнав друг друга, не сказали: „Adio mio caro!“ Нас обвенчали и только тогда мы увидели, что мы далеко не пара,—ужасно! Масса встретилось недоразумений, противоречий во взглядах, в убеждениях, что впоследствии развилось в ужасающие формы. Явились доме у моего очага какая-то непрошенная от [требовавшая] от меня каких-то правил и приличий

. ка чтобы я ездил с визитами, заводил

. [зна]комства, вывозил жену в свет
 копоти множества ламп и массы углерод
 ного количества присутствующих,—голова кру
 манится до обмороков). Я протестовал, но
 м [лю]била меня, крепко любила! Но не
 могла сразу переродиться и изменить взгляды на отношения людей и
 посмотреть на все это простым не вооруженным глазом; она была так
 воспитана, она была вполне креатурой своего дяди. Начались маленькие
 сценки, слезы, с другой стороны наускивания и я сдался, я был побеже-
 ден; через три года жена прозрела, но было уж поздно: против каждого
 ея желания, я отвечал желчью и был убежден, что это не ее желание, а
 прививное, навешанное!.. Она была воспитана с претензиями на аристокра-
 тизм, на барство (барство это привело ее дядю до нуля, который умер
 чуть не нищим!); она не понимала слов: „недостаток! нельзя!“ За-
 метьте, она была вовсе не расточительна, даже скупа, не франтиха и
 чужда всякого кокетства, но не трудясь никогда она не понимала цены
 деньгам, цены труду,—что труд капитал! Если у нас в шкатулке оставалось
 25 р. а в недалеком будущем хотя бы тысячи предвиделись, она
 томилась, плакала... впоследствии истерикам не было конца. Она тотчас
 рисовала в воображении своем картины одну другой мрачнее... То ей ка-
 залось что завтра мы пойдем с сумой по миру; то она уж видела детей
 своих в нищете, безграмотными дурнями и т. д. Воспитанная на геро-
 ических романах, хотя теоретическое образование получила весьма хо-
 ршее, она все рвалась к какой-то деятельности, создавала идеалы и
 разбивала эти идеалы безжалостно. Вдруг бывало начнет говорить о
 любви к простому и обиженному народу, а горничную свою чуть не по
 мордасам бьет. Или рисует такую сцену: „через месяц у нас ни гроша,
 она закладывает свою шубу... Зима, она идет по улице, псевдоаристо-
 краты хихикают, указывая на нее: „это жена актера, которая вышла
 замуж против желания своих воспитателей и бог ее наказал!“ Завтра уж
 она плюет на то, что скажут, не признает бога... а послезавтра (встав-
 лено и слово.....) снова та же история. Это боязнь, эти опасения, эта
 борьба, при ея слабых и хрупких силенках расстроили окончательно ее
 организм. Это была мученица в полном значении этого слова! Это была
 жертва пошлого и возмущающего воспитания! Какую горячкою деятель-
 ности бывало она закупит: накупит холста, ситцев и прочего и усаживается
 разом шить: мне белье, дочке платьице, сыну костюм. Пройдет
 день, два, белье недошитое попадает в сундук, платьице в другой сун-
 дук, кос[тюм] сына в третий и лежит это там два-три [месяца] клянусь
 богом! Если можно назвать это счастьем, казалось
 наилучшим в моей скверной жизни то
 два года как будто бы счастлив. Два лишь года
 надцати я могу назвать сносными, остальные десять лет это непрерыв-
 ная цепь мук и пыток, для обеих сторон! Много времени надо потратить
 для того, чтобы рассказать, что я вынес, сколько я выстрадал, глядя на
 ее страдания: ведь она была моя жена, мать моих детей и она любила
 меня страстно, до безумия, притом же 12 лет! Ее безумная любовь
 была в вечной борьбе, со страхом за будущее; она не верила ни в мои
 силы, ни в мой труд. Умерла страдальца, и я,—привыкший к домашнему
 очагу, к своему гнездышку, хоть и неприглядному,—потерялся оконча-
 тельно; мне кажется, что своими поступками я напоминаю зверя, вырос-
 шего и прожившего многие годы в клетке, пущенного на свободу. Я встре-
 тил вас, я почувствовал к вам влечение; я искал вас глазами в публике,
 я злился, когда вас не было в театре; наконец, я начал бывать у вас в

доме, но незначительное обстоятельство, это постоянное присутствие вашего брата Васи, напоминало мне тот надзор (из приживалок, кумушек и т. п.), ту опеку, которая была причиною моей 12 летней летаргии. Начну-ли говорить с вами внезапно, появляется Вася, и я бешусь, злюсь!.. Вы это, конечно видели, но может быть не умели понять? Слово „пара“, сказа[нно]е вами в последний вечер, взорвали меня. Пора сама бы . . .

. . . да и теперь может быть считал бы себя счастливей[шим] человеком. Выйдя от вас, я подумал: „нет, она меня [н]е любит!“ В воображении моем быстро пронеслись картины далекого прошлого: вечер в бобринском клубе, Марья Ивановна, пари!.. „Нет, она меня не любит!“ твердил я. Прихожу к Доценке, там ждут меня с ужином. Доценко вдруг говорит: „а тут Мотя (Капитаненко, Матрена Петровна!) как в воду опущенная ходит и все спрашивает: „да скоро ли придет Марк Лукич?“ „Да?“ спросил я. Накануне только я познакомился с нею, говорил о чем-то, но даже не поинтересовался узнать, кто она и что она? Я подсаживаюсь к ней, говорю, расспрашиваю и узнаю, что она круглая сирота. „Довольно! подумал я. Она меня любит, она меня ждала и я полюблю ее!“ (сумасшедший, не правда ли?) „Вот оно, вот то существо, которое любит тебя, томится по тебе, а ты, дурак, его не видишь, не видишь своего счастья и ищешь его где-то там!“ Желчь ли это говорила, месть ли, гордость ли, самолюбие ли?.. не знаю. Прошло не больше получаса, и я сказал ей: „я люблю вас, я люблю в вас круглую сироту!“ Утром я уехал в Елисаветград; дорогой предо мною стоял неумолимый и грозный вопрос: „что же ты наделал?“ Я отгоняю от себя вопрос, я злюсь, я не хочу думать о вас, и не думаю!.. Я насилюю себя, и пишу к вам дерзкие письма, а к Матр. Петровне самые страстные!

Как я не хотел ехать в Полтаву! Если бы Манько не приехал за мною, я бы непременно отделался от поездки. Приезжаю, вижу вас и разом мой помутился. Ах, да разве вы не видели? Разве вы ничего, ничего не поняли? Я видел, что делалось с вами, я уверен, что и вы видели мои мучения! Сколько раз во время репетиции я обращался к вам с фразами, относящимися к сотничихе?.. Разве вы не видели моих слез, когда я читал монолог: „Орличко моя. Я очі проглядів, тебе виглядаючи!..“ Тяжело было вам, но мне не легче было. Поощады, помилования, просил я. О, чего бы я не дал тогда, чтобы вы забыли те оскорбления, которые я вам нанес! О, как глубоко я вас оскорбил!..

Вот вам моя душа, мое сердце и весь я пред вами, как на ладоньке. Я больной, измученный, исстрадавшийся!.. Захотите ли вы взять меня истерзавшегося, исстрадавшего и исцелить меня? Или отвергнете меня? Захотите ли вы протянуть мне руку помощи и,—подняв меня, упавшего, сказать: „я прощаю вам все, я забыла ваши оскорбления“? Я не герой, я обыкновенный слабый человек, искалеченный, без воли я!.. Но я не хочу одного только сострадания, я могу любить горячо и пламенно, потому что души я не растратил, стало быть в праве искать любящего сердца. Теперь вы можете сказать, что знаете не тол[ько] мою душу, но и всего меня.

Безталан[ний] Непосидячий Марко.

Р. С. Предполагаются ли у ва[с] спектакли и в скором ли времени? Позавчера я сказал Выходце[ву], что больше месяца у него не служу. На днях пишу Елене Ник[ола]евне проект учреждения общества,—но за себя пока не ручаюсь, что перееду в Полтаву. Во всяком случае в Елисаветграде не останусь. Ах, если бы вы знали, что со мною делается? Клянусь, я близок к помешательству!